
Доктор филологических наук
В. А. Десницкий

ПУШКИН И ЕГО ВРЕМЯ

речи-статье 1933 г. «О кочке и о точке» М. Горький сказал о своей литературной деятельности в советские дни: «Молодым людям покажется смешным, если я, старик, сознаюсь, что пишу сейчас в том настроении, которое на утренней заре культуры позволяло людям создавать неувядаемые поэмы, легенды». ¹ Что хотел сказать этими словами основоположник искусства социалистического общества? Ни для нас, ни для него самого, разумеется, в этих словах нет ничего «смешного». Если М. Горького несколько смущал его юношеский энтузиазм, выявленный пред лицом «молодых», то мы прекрасно знаем, что он и в старости поистине был молод. Смысл его слов заключается в том, что в условиях советской действительности исчезла та противоречивость отношений между художником и его временем, которую писателю классового капиталистического общества нужно было с мучительным трудом преодолевать, чтобы дать более или менее полное и четкое выражение своим мыслям и чувствам. Об этих трудностях писательского дела в классовом обществе М. Горький прекрасно знал по опыту своей литературной деятельности до Великой Октябрьской социалистической революции. Знал он и то, что далеко не всем его предшественникам удавалось в условиях своего времени преодолеть эти трудности.

В условиях советской действительности — и именно это хотел сказать и сказал М. Горький — у честного истинного художника нет и не может быть действительных противоречий с его временем; в условиях складывающегося коммунистического общества в нашей стране художник может дать самое полное выражение своим самым смелым дерзаниям.

Иначе слагались отношения к своему времени у Пушкина, который для образования и развития новой русской литературы имел,

¹ М. Горький. О литературе, М., «Советская литература», 1934, стр. 148.

в известной мере, то же значение, что и М. Горький для возникновения искусства наших дней, искусства социалистического реализма. Оба великих писателя, критически осваивая опыт предшествующего развития национальной литературы, пролагали ей новые пути, определенные своеобразием исторических условий своей эпохи и классовой обусловленностью и направленностью своего творчества.

Эпоха Пушкина была полна событий исключительной исторической значимости как в национальном, так и в общеевропейском и мировом плане. Это была эпоха становления и укрепления буржуазного общества, революционной ликвидации феодализма, борьбы народов за свою национальную независимость, провозглашения «незыблемых и вечных прав» человека и гражданина; при этом классовая, эгоистическая сущность этих «прав» для большинства людей того времени была неясна, неуловима, неощутима в пышной фразеологии проповедников торжества «разума и свободы», нередко искренних в своей уверенности, что победа буржуазии, уничтожение феодализма принесет свободу, равенство, братство всем людям.

В то же время эпоха Пушкина была преддверием новых социальных бурь, новых классовых противоречий и столкновений, и в предвидении этих зреющих конфликтов у лучших людей эпохи тускнел, терял свою привлекательность буржуазный индивидуализм, угасала вера в «общечеловеческое» содержание победившего буржуазного «разума».

Пламенный и гордый патриот Пушкин, «один из мировых исполинов искусства», гений, «в минутах жизни» которого, по выражению Белинского, «замыкались целые века», прекрасно сознавал богатство и многообразие социального, политического, культурного содержания своей эпохи, которое и давало силу его гению, определяло глубину и действенность его творчества.

Пушкин, по выражению М. Горького, «знающий прошлое своей страны, но не отравленный им», «гигант Пушкин, величайшая гордость наша и самое полное выражение духовных сил России»,¹ часто обращает свой взор на Запад, вспоминает недавнее славное прошлое Европы, сопоставляет его с настоящим. В послании 1830 г. «К вельможе» он вспоминает «век просвещения» и дни французской революции:

Все изменилося. Ты видел вихорь бури,
Падение всего, союз ума и фурий,
Свободой грозною воздвигнутый закон,
Под гильотиною Версаль и Трианон
И мрачным ужасом смененные забавы.
Преобразился мир при громах новой славы.
Давно Ферней умолк...

¹ М. Горький (статья без названия), «Путь освобождения», 1917, № 1, 15 июня, стр. 15.

И он предчувствует новые грозы, новые социальные битвы:

... Смотри: вокруг тебя
 Все новое кипит, бывшее истребя.
 Свидетелями быв вчерашнего паденья,
 Едва опомнились молодые поколения.
 Жестоких опытов собирая поздний плод,
 Они торопятся с расходом свесть приход.¹

И ранее, в 1824 г., в дни нарастания на родине декабристских замыслов и настроений, Пушкин в раздумье обращает взор свой к Западу:

Давно ли ветхая Европа свирепела?
 Надеждой новою Германия кипела,
 Шаталась Австрия, Неаполь восставал,
 За Пиренеями давно ль судьбой народа
 Уж правила свобода,
 И самовластие лишь север укрывал?²

Важные события в жизни Европы не только входят в сознание Пушкина, задерживают на себе его внимание, но и находят свое выражение в его творчестве: французская буржуазная революция и ее деятели, Наполеон в его величии и падении, борьба за свободу и национальную независимость в разных странах Европы — в Греции, Испании, Италии, реакционный Священный Союз и его поборники и враги.

Но мировоззрение и творчество Пушкина складываются и определяются главным образом событиями родной ему отечественной действительности, думами о судьбах и величии России. Еще юношей, вскоре по выходе из Лицея, Пушкин в 1818 г. пишет в послании к Чаадаеву:

Пока сердца для чести живы,
 Мой друг, отчизне посвятим
 Души прекрасные порывы!³

И этот призыв к другу юности для самого Пушкина был до смерти определяющим его деятельность, руководящим жизненным принципом. Герцен сказал о Пушкине, что он — «до глубины души русский, и русский петербургского периода», что он «как нельзя более национален и в то же время понятен для иностранцев», что он проникнут «инстинктивною верою в будущность России», что «в его душе отдавались торжествующие и победные крики, поразившие его еще в детстве, в 1813 и 1814 годах».⁴ Мы знаем, что Пушкин гордился «великим днем Бородина», что ему всегда была дорога «вечная память двенадцатого года», что он хорошо помнит «начальников

¹ А. С. Пушкин. К вельможе. Соч., т. III, стр. 171.

² А. С. Пушкин. «Недвижный страж дремал на царственном пороге...». Соч., т. II, стр. 173.

³ А. С. Пушкин. К Чаадаеву. Соч., т. I, стр. 338.

⁴ А. И. Герцен. О развитии революционных идей в России. Полн. собр. соч. и писем под ред. Лемке, Пг., 1917, т. VI, стр. 355.

народных наших сил, покрытых славою чудесного похода».¹ Еще на школьной скамье, в «Воспоминаниях в Царском Селе» (1814), он разделяет гордые чувства русского народа, изгнавшего из своих пределов полчища доселе непобедимого Наполеона, завоевателя и поработителя Европы:

Страшись, о рать иноплеменных!
России двинулись сыны;
Восстал и стар и млад; летят на дерзновенных,
Сердца их мщеньем возжены.
Вострепещи, тиран! Уж близок час паденья!
Ты в каждом ратнике узришь богатыря,
Их цель иль победить, иль пасть в пылу сраженья...²

В Лицее и по выходе из него Пушкин живет вольнолюбивыми думами и настроениями будущих декабристов, и сам он, его творчество накануне 14 декабря 1825 г. было одним из сильнейших, действенных возбудителей мощного освободительного движения.

Пушкин живет радостями и горем своей страны, его волнует настоящее и будущее родины. И в попытках разгадать завтрашний день России он обращается к изучению ее судеб в прошлом. Его волнует гений Петра I, в его деятельности он видит залог будущего России; он изучает движение народных масс в прошлом для того, чтобы понять настоящее и будущее России, ибо народ, по его глубокому убеждению, истинный, решающий деятель исторического процесса. Его влекут к себе образы народных героев, воспетых в чудесных песнях русского народа. Для него Степан Разин — самое поэтическое лицо в русской истории. В минуты радости и печали он неизменно обращается к источнику мудрости и красоты — к народу, к его поэзии, к его языку. В первой половине ноября 1824 г. он пишет брату Л. С. Пушкину: «...Вечером слушаю сказки... и вознаграждаю тем недостатки проклятого своего воспитания».³ Как драгоценные зерна, собирает он поразившие его простотой, глубиной и своеобразием народные слова и выражения. Вот, например, пишет он П. А. Вяземскому из Болдина 5 ноября 1830 года: «Здесь крестьяне величают господ титулом Ваше здоровье: титул завидное...»⁴

Свою литературную деятельность Пушкин рассматривает как выполнение обязанности перед родиной и народом. Об этом превосходно сказал своим слушателям—рабочим—в Каприйской школе М. Горький: Пушкин «первый почувствовал, что литература — национальное дело первостепенной важности, что она выше работы в канцеляриях и службы во дворце, он первый поднял звание литератора на высоту до него недостижимую:

¹ А. С. Пушкин. Полководец. Соч., т. III, стр. 329.

² А. С. Пушкин. Воспоминания в Царском Селе. Соч., т. I, стр. 78.

³ А. С. Пушкин. Письма. Соч., т. X, стр. 108.

⁴ Там же, стр. 316.

в его глазах поэт — выразитель всех чувств и дум народа, он призван понять и изобразить все явления жизни».¹

И Пушкин, как гений, как патриот, живет одними думами и чувствами со своим народом; по образованию и культуре он выше своего века, на языке разума, свободы и красоты он перекликается с голосами всех времен и народов, он более чем кто-либо не только в России, но и во всей Европе был призван как русский национальный поэт выразить лучшие мысли и чувства людей своей эпохи.

Уже в Лицее он на голову выше всех его окружающих — и товарищей-соучеников, и своих учителей, — и не столько, разумеется, по объему знаний, сколько по глубокому постижению явлений жизни, умению исторически мыслить, по живому ощущению реальной действительности. Ни Кошанский, ни Георгиевский не могли подсказать Пушкину тех метких суждений о русских и европейских писателях, которые поражают нас в его лицейских стихотворениях. В 1816 г. для Пушкина Ломоносов «исполин», с которым не было сил «тягаться» «карлику», «завистливому гордецу, холодному Сумарокову»:

Уж на челе его забвения печать,
Предбудущим векам что мог он передать?²

И благодарность лицейским учителям уже зрелого Пушкина в 1825 г. звучит весьма ограниченно:

Наставникам, хранившим юность нашу,
Всем честию, и мертвым и живым,
К устам подъяв признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадим.³

В сознании Белинского Пушкин «один из мировых исполинов искусства». В январе 1840 г. Белинский пишет К. С. Аксакову: «Радуюсь твоей новой классификации: Гомер, Шекспир, Гоголь, но я дивлюсь ей... У меня на месте Гоголя стоит Пушкин. Это Россия и единственный русский национальный поэт, полный представитель жизни своего народа. Да, велик Гоголь, поэт мировой: это для меня ясно, как $2+2=4$, но... Пушкин...»⁴ А в письме 29 сентября 1839 г. к Н. В. Станкевичу, полемизируя в нем с Грановским, да в сущности и со Станкевичем, который не склонен был признать «всемирное» значение Пушкина, великий критик подчеркивает национальное своеобразие русского поэта и тем еще более усиливает его права на руководящее место в мировом искусстве слова. Белинский пишет о Грановском: «А как он понимает Пушкина — да здравствует идиотизм! Куда Пушкину до Шиллера! А по нашему так Шиллеру до Пушкина —

¹ М. Г о р ь к и й. История русской литературы, М., Гослитиздат, 1939, стр. 91.

² А. С. П у ш к и н. К Жуковскому. Соч., т. I, стр. 194.

³ А. С. П у ш к и н. 19 октября. Соч., т. II, стр. 282. (Разрядка моя. — В. Д.)

⁴ В. Г. Б е л и н с к и й. Письма, под. ред. Е. Ляцкого. 1914, т. II, стр. 24.

далеко кулику до Петрова дня... Небось, он (Пушкин) не впал бы в аллегорию, не написал бы галиматъи аллегорико-фантастической, известной под именем 2-й части Фауста, и не был способен писать рефлексированных романов вроде «Вертера» или «Вильгельма Мейстера»... Нет, приятели, убирайтесь к чорту с вашими немцами — тут пахнет Шекспиром нового мира!..»¹

Но если мы обратимся к высказываниям самого поэта, чтобы узнать, как он себя чувствовал — поэт и человек, гражданин отечества — в социально-политических и культурных условиях своей эпохи, то увидим, что это были совсем иные настроения, совсем иные чувства, чем те, о которых говорил советский писатель М. Горький своим младшим товарищам по профессии. Вспомним чудесное стихотворение Пушкина «Эхо», это как бы гордое исповедание веры поэта и в то же время горестное признание его одиночества среди окружающих людей.

Ревет ли зверь в лесу глухом,
Трубит ли рог, гремит ли гром,
Поет ли дева за холмом —
На всякий звук
Свой отклик в воздухе пустом
Родишь ты вдруг.
Ты внемлешь грохоту громов
И гласу бури и валов,
И крику сельских пастухов —
и плешь ответ;
Тебе ж нет отзыва... Таков
И ты поэт!²

Многочисленные жалобы поэта на свое положение среди окружающего его общества, на те унижительные условия, в которые он был поставлен, как человек и поэт, раскрывают нам смысл этого признания.

Вот в апреле 1820 г. он пишет Вяземскому: «Петербург душен для поэта».³ всю жизнь мечтал Пушкин о путешествии, мечтал посмотреть те места, с которыми были связаны его воспоминания о близких ему по духу поэтах, ему хотелось познакомиться с иными формами быта и отношений между людьми, чем те, которые он видел у себя на родине. И его мечта так и осталась мечтой. Даже самовольная его поездка на театр военных действий в 1829 г. в Арзрум доставила ему много неприятностей со стороны «опекунов» и надзирателей. В 1828 г. он пишет в послании «Друзьям»:

Беда стране, где раб и лстец
Одни приближены к престолу,
А небом избранный певец
Молчит, потупя очи долу.⁴

¹ В. Г. Белинский. Письма, т. I, стр. 341.

² А. С. Пушкин. Эхо. Соч., т. III, стр. 227. (Разрядка моя. — В. Д.)

³ А. С. Пушкин. Письма. Соч., т. X, стр. 16.

⁴ А. С. Пушкин. Друзьям. Соч., т. III, стр. 48.

Материально не обеспеченный, службой при дворе вынужденный жить выше средств, доставляемых ему литературным заработком, Пушкин пишет жене в июне 1834 г.: «...я не должен был вступать в службу, и, что еще хуже, опутать себя денежными обязательствами... Зависимость, которую налагаем на себя из честолюбия или из нужды, унижает нас. Теперь они смотрят на меня как на холопа, с которым можно им поступать как им угодно. Опала легче презрения. Я, как Ломоносов, не хочу быть шутком, ниже у господ бога».¹

Раздражало и унижало поэта вмешательство в его частную жизнь. Он знал, что его письма — даже к близким ему людям — перехватывают, вскрывают, читают. И он, всегда ясно и открыто выражавший свои чувства, пишет жене: «Пожалуйста, не требуй от меня нежных, любовных писем. Мысль, что мои распечатываются и прочитываются на почте, в полиции, и так далее (т. е. при дворе.— В. Д.) — охлаждает меня, и я поневоле сух и скучен».²

Полицейский надзор и жандармская опека, «покровительство» царя, взявшего на себя обязанности цензора пушкинских произведений, довели его до бешенства: «Чорт догадал меня родиться в России с душою и талантом!»,³—писал он жене в 1836 г. и ей же в 1834 г.: «Посмотрим, как то наш Сашка (сын. — В. Д.) будет ладить с порфирородным своим тезкой (будущим царем, наследником Николая I.— В. Д.); с моим тезкой я не ладил. Не дай Бог ему идти по моим следам, писать стихи, да ссориться с царями! В стихах он отца не перещеголяет, а плетью обуха не перешибет».⁴

Но показательно для Пушкина, что даже в минуты самого жестокого возмущения против самовластия царя и тугой пошлости светской черни он остается верен своей родине, своему народу.

Вскоре после того, как Пушкин узнал о жестокой участи преданных суду декабристов, он 14 августа 1826 г. писал Вяземскому: «...повешенные повешены; но каторга 120 друзей, братьев, товарищей ужасна».⁵ Чувство горести и возмущения было еще тем сильнее, что Пушкин видел, как трусливо, подло, предательски отнеслось так называемое общество к трагической участи своих лучших представителей. Знаменитый мракобес, московский «златоуст», архиепископ Филарет в день коронации Николая I 22 августа 1826 г. при вступлении царя в Успенский собор приветствовал его речью. Он упрекнул Николая I за «умедление» прибытием в Москву на коронацию, но вслед за тем и разъяснил истинный смысл этого риторического упрека: «умедление твое было нам благодеяние», ты «спешил утвердить нашу безопасность». И от имени церкви одобряет жестокую расправу

¹ А. С. Пушкин. Письма. Соч., т. X, стр. 489.

² Там же, стр. 496—497.

³ Там же, стр. 582.

⁴ Там же, стр. 474—475.

⁵ Там же, стр. 211.

царя с декабристами, пять из которых были повешены 13 июля 1826 г., т. е. всего за сорок дней до коронации: «Не смущают ли при сем духа твоего прискорбные напоминания?— Да не будет!»

Ленин так характеризовал расстановку общественных классов в России после разгрома восстания декабристов: «Эпоха крепостная (1827—1846 гг.) — полное преобладание дворянства. Это — эпоха от декабристов до Герцена. Крепостная Россия забита и неподвижна. Протестует ничтожное меньшинство дворян, бессильных без поддержки народа. Но лучшие люди из дворян помогли *разбудить* народ». ¹ К числу этих лучших людей принадлежали декабристы и Пушкин.

Пушкин не участвовал непосредственно в заговоре декабристов. Но ему были дороги социально-политические устремления декабристов, их планы преобразования государственного строя России, их мечты об освобождении народа, об уничтожении крепостного права. Его вольнолюбивые стихотворения сыграли большую роль в подготовке заговора, они будили мысли передовой дворянской молодежи, на что указывали на допросах многие декабристы. Пушкин, как и Грибоедов, был, в сущности, наиболее сильным и действенным пропагандистом тех освободительных идей, на основе которых складывались и оформлялись программы декабристских организаций. Вольнолюбивые стихотворения Пушкина — «Деревня», ода «Вольность», — поэмы, эпиграммы, грибоедовское «Горе от ума», распространяемые в многочисленных списках накануне 14 декабря 1825 г., были своего рода политическими декларациями, выраженными на языке поэзии, с которыми и во имя которых многие декабристы вышли на Сенатскую площадь и сражались под Белой Церковью. И после разгрома декабрьского восстания Пушкин до конца дней своих остался верен не только своим друзьям — декабристам, изнывавшим на каторге в сибирских рудниках или сосланным, почти на верную смерть, в кавказские полки, но и тем идеям, за которые боролись декабристы. Он оказывает посильную помощь своим друзьям. Так, например, он издает — без имени автора — поэму Кюхельбекера «Ижорский»; надо полагать, он же издает и другое произведение лицейского товарища «Русский Декамерон», стихотворную поэму на библейскую тему (о Зоровавеле, из 3-й книги Ездры) с прозаическим обрамлением, на русском материале. «Русский Декамерон» был издан также без имени автора. Надо полагать, мое предположение о том, что именно Пушкин был издателем «Русского Декамерона», будет подтверждено рано или поздно; авторство же Кюхельбекера не подлежит никакому сомнению, так как сохранилась рукопись стихотворной части произведения, которую и предполагал издать покойный Ю. Тынянов.

¹ В. И. Ленин. Соч., изд. 4-е, т. 19, стр. 294—295.

Вскоре после восстания декабристов и суда над ними Пушкин пишет пламенное стихотворение «Пророк», своеобразное исповедание веры поэта, и теперь объявляющего своей жизненной задачей «глаголом жечь сердца людей».¹ Для последних четырех строк стихотворения была и другая редакция, направленная непосредственно против только что коронованного Николая I, палача друзей поэта. В том же 1826 г. Пушкин пишет три «Песни о Стеньке Разине»; царь — цензор Пушкина — не разрешил их напечатать. В 1827 г. Пушкин пишет послание в Сибирь, в котором призывает своих друзей «хранить гордое терпенье», ободряет их:

Любовь и дружество до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы,
Как в ваши каторжные норы
Доходит мой свободный глас.

И пророчески предсказывает им светлое будущее:

Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут — и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут.²

В 1826 г. в «Стансах» Пушкин, как бы в противовес лезуитскому наставлению Филарета («Да не будет!»), призывает Николая I смягчить участь декабристов, последовать примеру Петра I и быть «памятью, как он, незлобен».³

Вспоминает Пушкин декабристов, заключенных «в мрачных пропастях земли», и в стихотворении 1827 г. «19 октября».⁴

Нет сомнения, что если бы Пушкин в день декабрьского восстания был в Петербурге, он вышел бы на площадь вместе со своими друзьями и сам потом подвергся той же участи, что и они. Об этом он заявил и Николаю I, когда тот после коронации вызвал его из Михайловского в Москву. Но Пушкин не верил в успех движения, поскольку оно было задумано и осуществлено без участия народа, которого многие декабристы не знали и боялись. В одной из строф уничтоженной автором десятой главы «Евгения Онегина» Пушкин говорит о «хромом Тургеневе» (Николае Ивановиче, заочно по суду над декабристами приговоренном к смертной казни), что на петербургских собраниях будущих декабристов в 1818—1820 гг. он,

...плети рабства ненавидя,
Предвидел в сей толпе дворян
Освободителей крестьян.⁵

¹ А. С. Пушкин. Пророк. Соч., т. II, стр. 341.

² А. С. Пушкин. «Во глубине сибирских руд ...» Соч., т. III, стр. 7.

³ А. С. Пушкин. Стансы. Соч., т. II, стр. 344.

⁴ А. С. Пушкин. 19 октября 1827. Соч., т. III, стр. 34.

А. С. Пушкин. Евгений Онегин, гл. X. Соч., т. V, стр. 212.

Пушкин иронически говорит об этом «предвидении» Тургенева и был согласен не с ним, а с Радищевым, который в заключении главы «Медное» своего «Путешествия из Петербурга в Москву» писал: «...все те, кто мог бы свободе поборствовать, все великие отчинники, и свободы не от их советов ожидать должно, но от самой тяжести порабощения».¹

Пушкин был дворянин, и ему не были чужды сословные предрассудки своего класса, он гордился своим «шестисотлетним дворянством». Но он правдиво изобразил и в «Истории Пугачева» и в «Капитанской дочке» народное восстание, он понимал и признавал основания народного гнева против помещиков, угнетателей крепостного крестьянства, в своих чудесных песнях о Разине он поэтизировал сурового героя народных песен, но народного «бунта», стихийного восстания, справедливого, но жестокого, он боялся и думал, что «лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от одного улучшения нравов, без насильственных потрясений политических, страшных для человечества...»² Да, Пушкин был дворянин, но, как справедливо заметил о нем М. Горький, «...для него интересы всей нации выше интересов одного дворянства, а говорил он так потому, что его личный опыт был шире и глубже опыта дворянского класса».³

Близость к народу, вера в его творческие силы, горячая любовь к родине, уверенность в блестящем будущем России дали возможность Пушкину стать выше своекорыстных интересов класса, к которому он принадлежал по рождению. Знание нужд и желаний крепостного крестьянства, сочувствие к его страданиям, любовь к прекрасному языку родного народа дали возможность Пушкину подняться на такую высоту человечности, народности, такого понимания свободы, на которую не смог подняться ни один из поэтов пушкинского времени.

Лучшим русским писателям XIX в. был чужд буржуазный индивидуализм, от которого не были в силах освободиться до конца даже передовые западноевропейские художники слова. Именно Пушкин дал то социальное, гуманистическое, идейное содержание своему творчеству, которое, развиваемое дальше его продолжателями, сообщило русской классической литературе и ее национальное своеобразие, и ее силу морального и эстетического воздействия на людей, говорящих на любом языке мира.

Борясь с феодализмом, самодержавием, с крепостническим государственным строем николаевской России, провозглашая грядущее торжество разума, веря в его действенность и в силу просвещения, Пушкин критически отнесся к буржуазно-индивидуалистическому пониманию царства «разума и свободы». В очерке «Путешествие из Москвы в Петербург», посвященном книге А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга

¹ А. Н. Р а д и щ е в. Путешествие из Петербурга в Москву. Полн. собр. соч., Изд-во АН СССР, М.—Л., 1938, т. I, стр. 352.

² А. С. П у ш к и н. Путешествие из Москвы в Петербург. Соч., т. VII, стр. 291—292.

³ М. Г о р ь к и й. История русской литературы, М., 1939, Гослитиздат, стр. 104.

в Москву», местами как бы написанном языке Энгельса («Положение рабочего класса в Англии»), Пушкин показал изнанку капитализма в Англии, о перенесении «прелестей» которого в Россию мечтали русские англоманы пушкинского времени. Он писал в главе «Русская изба»: «Прочтите жалобы английских фабричных работников: волосы встанут дыбом от ужаса. Сколько отвратительных истязаний, непонятных мучений! какое холодное варварство с одной стороны, с другой — какая страшная бедность! Вы подумаете, что дело идет о строении фараоновых пирамид, о евреях, работающих под бичами египтян. Совсем нет: дело идет о сукнах г-на Смита или об иголках г-на Джексона. И заметьте, что все это есть не злоупотребления, не преступления, но происходит в строгих пределах закона. Кажется, что нет в мире несчастнее английского работника...»¹

Вышедшая в 1835 г. книга Токвиля «О демократии в Америке», о которой писал в пушкинском «Современнике» его парижский корреспондент А. И. Тургенев и которую Пушкин назвал «славной книгой», очевидно послужила Пушкину поводом дать резкую критику превозносимой в то время североамериканской буржуазной демократии. Во вступлении к очерку «Джон Тейнер» Пушкин пишет: «Уважение к сему новому народу и к его уложению, плоду новейшего просвещения, сильно поколебалось. С изумлением увидели демократию в ее отвратительном цинизме, в ее жестоких предрассудках, в ее нестерпимом тиранстве. Все благородное, бескорыстное, все возвышающее душу человеческую — подавленное неумолимым эгоизмом и страстию к довольству (comfort)... рабство негров среди образованности и свободы; родословные гонения в народе, не имеющем дворянства... Отношения Штатов к индийским племенам... подверглись также строгому разбору новых наблюдателей. Явная несправедливость, ябеда и бесчеловечие Американского конгресса осуждены с негодованием... Остатки древних обитателей Америки скоро совершенно истребятся...»² Нельзя не отметить, что при своей краткости пушкинская критика американской буржуазной демократии гораздо более остра и последовательна, чем критика английских романистов Диккенса и Теккерея, которые несколько позднее, во время своих туристских лекторских путешествий по Северной Америке наглядно убедились в «прелестях» и американской демократии и американской буржуазной цивилизации. В устах Пушкина, автора «Арапа Петра Великого», критика расовой дискриминации в наши дни звучит особенно убедительно; а его пророчество о скором истреблении североамериканских индейцев нашло новое подтверждение в превосходной повести Г. Фаста «Последняя граница».

Пушкин — основоположник новой русской литературы, сблизивший русский литературный язык с языком народа. Он сам писал простым, ясным, доступным для всех языком. Язык Пушкина не знает эстетской

¹ А. С. Пушкин. Путешествие из Москвы в Петербург. Соч., т. VII, стр. 290.

² А. С. Пушкин. Джон Тейнер. Соч., т. VII, стр. 449—450.

границы, непереходимого разрыва между языком поэзии и языком «прозы», языком как средством человеческого общения. Язык его одинаково ясен, прозрачен, понятен и на высотах эстетических пушкинских достижений, и в его прозе, и в его письмах. И везде прекрасен.

Следуя по путям Пушкина, выполняя его заветы гуманности, народности, идейности творчества, отражения и изображения реальной действительности, в разной мере преодолевая классовую ограниченность своего мировоззрения, русские великие писатели XIX в. подымали национальную русскую литературу на такую идейную и эстетическую высоту, что со второй половины прошлого века она стала самой передовой литературой.

Пушкин ушел из жизни в полном расцвете творческих сил. Он был полон великих замыслов. Его прекрасная жизнь была оборвана рукой международного бродяги — авантюриста, исполнителя воли и желаний светской черни, которой был ненавистен певец разума и свободы, непримиримый враг царского самодержавия и крепостнической эксплуатации, неумолимый обличитель светской пошлости.

Нет сомнения, мощная волна народного движения к свободе и просвещению подняла бы и Пушкина, дала бы ему возможность перейти к новому содержанию, к новым качествам в искусстве слова. Но Пушкин знал массовые стихийные движения в прошлом, а в настоящем видел только разрозненные эпизодические вспышки крестьянского гнева против крепостников-дворян, безнадежную героическую попытку декабристов дать свободу народу без участия самого народа.

В творчестве Пушкина мы видим и такие прорывы в будущее, такие новые элементы содержания и формы его творчества, которые делают нам его еще более дорогим и близким. Нет сомнения, он шел путем, который сближал его с Белинским, вел его к Герцену, к тому этапу развития русской культуры и литературы, который связан с именами деятелей революционно-демократического просветительства. Об этом говорит его ненависть к буржуазному индивидуализму, к капиталистическому преклонению перед силой денег, об этом говорят его народолюбивые настроения, предвестия в его творчестве бичующей сатиры Щедрина (например, в «Истории села Горюхина»).

Вот перечтите эти строки из болдинского стихотворения Пушкина 1 октября 1830 года —

Смотри, какой здесь вид: избушек ряд убогий,
 За ними чернозем, равнины скат отлогий,
 Над ними серых туч густая полоса.
 Где нивы светлые? где темные леса?
 Где речка? На дворе у низкого забора
 Два бедных деревца стоят в отраду взора,
 Два только деревца. И то из них одно
 Дождливой осенью совсем обнажено

И листья на другом, размокнув и желтея,
 Чтоб лужу засорить лишь только ждут Борея.
 И только. На дворе живой собаки нет.
 Вот, правда, мужичок, за ним две бабы вслед.
 Без шапки он; несет подмышкой гроб ребенка
 И кличет издали ленивого попенка,
 Чтоб тот отца позвал, да перковь отворил.
 Скорей! ждать некогда! давно бы схоронил.¹

Разве это не тон и не язык разночинца 60-х годов. И разве не прав М. Горький, сказавший по поводу этого стихотворения: «вот деревенская картинка, написанная как будто Некрасовым!»² И не пора ли признать, что не прав был Достоевский, когда утверждал, что все русские писатели после Пушкина и Гоголя «вышли» из «Шинели» Гоголя.

Ни от Акакия Акакиевича Башмачкина, ни от Макара Девушкина нет пути к человеку наших дней, о котором сказал М. Горький: «Человек — это звучит гордо».³ От «Бедных людей» нет пути к реализму наших дней, к изображению социалистической действительности, новой бесклассовой культуры, творимой гордым человеком — победителем, чуждым рабского смирения.

Тем и дорог нам Пушкин, что при неизбежной исторической ограниченности его мировоззрения, обусловленной социально-экономическими, политическими, культурными отношениями эпохи, он всегда был мыслителем и художником ясного разума, неистребимой веры в творческие силы народа, поэтом не только отрицания, но и утверждения, приятия радости, силы, здоровья, радостного свободного труда, поэтом чутким, восприимчивым к живой реальной действительности.

Чествование его памяти поистине всенародный праздник людей Советской страны, ибо в тягчайших условиях жизни и творчества он верил, что придет время, когда у его могилы «младая будет жизнь играть».⁴

Это время пришло, ибо наша страна — страна молодости, отечество людей, создающих в героической борьбе, свободным радостным трудом ту жизнь разума и свободы, о которой мечтал великий русский поэт.

¹ А. С. П у ш к и н. «Румяный критик мой, насмешник толстопузый...» Соч., т. III, стр. 187.

² М. Г о р ь к и й. История русской литературы, М., 1939, Гослитиздат, стр. 100.

³ М. Г о р ь к и й. На дне. Собр. соч., т. III, Гослитиздат, М., 1940, стр. 173.

⁴ А. С. П у ш к и н. «Брожу ли я вдоль улиц шумных...». Соч., т. III, стр. 134.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

А.С. ПУШКИН

1799 ~ 1949

МАТЕРИАЛЫ
ЮБИЛЕЙНЫХ
ТОРЖЕСТВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва - Ленинград

1951
